

18 февраля 1690 г. у младшего соправителя России, царя Петра Алексеевича, родился наследник – царевич Алексей. Среди приглашенных по этому радостному поводу на пир “на Верх”, в Грановитую палату Кремля, был самый заслуженный генерал русских войск, шотландский дворянин-католик Патрик Гордон оф Охлхрис² (1635–1699). Однако духовный глава России, патриарх Московский Иоаким, известный крайней нетерпимостью к иноверцам и чужеземцам, особенно “папешникам”³, наложил запрет на присутствие за царским столом неправославного гостя. На другой же день Петр I, глубоко признательный Гордону за недавнюю поддержку в решающем поединке за власть с царевной Софьей, призвал его “в одно село”, где они “с Его Величеством обедали за одним столом и веселились; по пути домой беседовали... всю дорогу” (Дневник Гордона. Т. V. Л. 6 об.–7)⁴. Две недели спустя Иоаким умер, и Петр мог уже не опасаться порицаний от блюстителей старины, хотя они никогда не умолкали. Царь немедленно заказал себе полный немецкий наряд, преданный анафеме Иоакимом, от башмаков и чулок до парика⁵. Затем состоялось избрание нового главы церкви, и то был выбор между новым и старым: “митрополит Казанский Адриан был избран патриархом, невзирая на царскую склонность к Маркеллу, митрополиту Псковскому, коего старые бояре и большинство духовенства ненавидели за его ученость и другие великие добродетели, и избрали этого ради его невежества и простоты” (л. 23). Петр уступил и на сей раз, но вскоре в присутствии Гордона устроил поставление владыки иного рода – думного дьяка и своего бывшего учителя Н.М. Зотова, который был провозглашен “Всешутейшим отцом Иоаникимом, патриархом Пресбургским, Кокуйским и Всеяузским”. Презрев вековой царский уклад и непререкаемые заветы отцов, Петр смело и быстро низвергся с высот своего сана и зачастил туда, где российские самодержцы бывать не могли и никогда не бывали: в гости к иностранцам, купцам и ремесленникам, в мастерские и пушкарские дворы, на заводы и верфи, что неизбежно увлекло его и на сам “еретический” Запад. Этот путь, для одних пагубный, для других плодотворный, начался в московской Иноземской слободе под прямым и определяющим, хотя порой произвольным, влиянием самого высокопоставленного из русских иноземцев – Патрика Гордона.

Его сближение с юным государем началось еще в конце 1680-х годов, особенно в ходе и после государственного переворота, приведшего Петра к почти единоличной власти, ибо старший царь Иван Алексеевич был мало способен к правлению. Гордон стал чуть ли не ежедневно видаться с Петром: бывал в Кремле, сопровождал царя в разъездах по окрестностям – в Преображенское, Коломенское, Измайлово, Пресню и боярские вотчины. “Почти не проходит дня, чтобы я не мог видаться и говорить с Его Величеством, который ныне утвердился в правлении и милостив ко мне сверх меры” (л. 48). С января 1690 г. строки “Дневника” отражают растущую привязанность между умудренным генералом и пока еще не столько правившим, сколько забавлявшимся отроком-царем: “обширные беседы с Его Величеством”, “удержан на всю ночь”, “беседовал с Его Величеством всю дорогу” (л. 3 об.–4 об., 7). Предметов этих долгих и доверительных бесед автор, увы, не раскрывает, но с большой вероятностью можно

¹ Это выражение не раз использовал в своих трудах С.М. Соловьев как символ поворота России с Востока на Запад, от Азии к Европе – многотрудный путь, на котором XVII век стал переломным, при немалом участии Патрика Гордона и его соратников. Русское слово *step* не раз встречается в “Дневнике” Гордона, который, всю жизнь прослужив в сухопутных войсках, неожиданно для себя стал первым в России контр-адмиралом.

² В Шотландии, в отличие от Англии, предлог *of* – неотъемлемая часть дворянского титула и означает родовое наследственное право на владение поместьем по старшинству, подобно немецкому *von* и французскому или испанскому *de*, что передается русским “из”. О происхождении, молодых годах и военной карьере Патрика Гордона оф Охлхрис см. издания предшествующих томов его записок и статьи к ним: *Гордон П. Дневник 1635–1659. М., 2000; Дневник 1659–1667. М., 2002; Дневник 1677–1678. М., 2005; Дневник 1684–1689. М., 2009.* Иногда упоминается его второе имя – Леопольд, принятое им в конце жизни на католической конфирмации, вероятно в честь Германского императора, и уникальное для клана Гордонов.

³ См.: Духовная патриарха Иоакима // *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. Потешные и Азовские походы. С. 467–477.* Гордон в одном письме называет Иоакима “великим недругом нам и религии нашей” (Дневник. V. Л. 50 об.).

⁴ Здесь и далее даются ссылки на листы подлинника, указанные в тексте настоящего издания.

⁵ *Есинов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. I. № 453.* Вероятно, Гордон принял участие в этом обмундировании царя (Дневник. V. Л. 9).

предположить, что любознательный Петр расспрашивал шотландца обо всем, в чем тот был сведущ: о его родине и обучении, о внутренних распрях и современном положении в Британии; о его боевом крещении в шведской и польской армиях, о достоинствах этих славных войск, о кампаниях, битвах и осадах; о его встречах с монархами и вельможами в столицах Европы; о доблестной обороне Чигирина и причинах провала Крымских походов; о расстановке политических и военных сил на европейской арене; об особенностях и новшествах военной науки и разных видах вооружения.

Все это естественным образом привело к невиданному событию. 30 апреля 1690 г. состоялся первый визит Петра в дом Гордона в Иноземской слободе (и какого-либо русского царя к иноземцу вообще!): “Его Величество с боярами и главными придворными ужинали у меня и были веселы” (л. 11). Отныне они редко разлучались. 25 июля в селе Троицком у князя Б.А. Голицына Петр навестил приболевшего Гордона и прислал ему лекарства; 22 августа “Его Величество со всеми прибыли ко мне и веселились”; 13 октября “Его Величество с 30 или 40 персонами обедали у меня и веселились до десяти часов вечера” (л. 20, 23, 29 об.); 3 января 1691 г. “Его Величество прибыл ко мне в 10 часов и немедленно отправился к обеду, где было 85 знатных персон помимо почти сотни служителей. Все были веселы и отужинали, заночевав по-лагерному” (л. 63). Подобные записи продолжают и впредь, причем автор отмечает не только случаи собственного общения с Петром, но и все, что связано с образом жизни царя: участие в церковных торжествах, празднование именин, посещение русских придворных и иноземцев, увеселения с дружеской “компанией”, поездки в подмосковные усадьбы и далее и, конечно, воинские и флотские затеи, сперва потешные, затем все более серьезные. Многие из этих свидетельств уникальны. Как указывал А.Г. Брикнер, “для истории Петра до 1697 г. едва ли в каком-либо другом источнике имеется столько данных. Мы почти ежедневно можем следить за Петром”⁶.

Эпические пиры и забавы петровского круга обходились их устроителям во всех отношениях недешево. “Степенный шотландец, пожилой, осторожный и аккуратный”⁷ не раз сокрушался о докучливой придворной жизни и неизбежных огромных затратах. Никогда не отличаясь расточительством, он сетовал: “Я по-прежнему пребываю при дворе, к своим великим расходам и постоянным хлопотам. Мне обещаны большие вознаграждения, но пока получено мало; когда младший царь возьмет правление в свои руки, не сомневаюсь, что буду удовлетворен” (л. 58). В самом деле, монаршие милости последовали незамедлительно: привилегии на беспошлинный ввоз вина и частичное освобождение от почтового сбора (л. 105, 133 об.); щедрые дары: “1000 рублей, половина драгоценной посудой⁸, половина другими вещами” (л. 70 об.); “участок между моим и Яузой” и еще один, “ниже другого дома до реки Яузы” (л. 80, 322 об.); “большая лодка” (л. 285 об.) и богатые ткани. Повышено было и денежное жалованье: в январе 1692 г. – 400 рублей ежегодно сверх обычного; в 1693 г. годовой оклад Гордона достиг суммы в 954 рубля 13 алтын 2 денги (л. 157, 326). Петр не забывал и членов его семьи: на время вдовства старшей генеральской дочери было даровано в год “около 300 рейхсталеров – более чем обычно в этом краю” (л. 276). При всем том даже столь крупных средств не доставало, так что иногда приходилось занимать, однако царские дары шотландец отработывал по чести. 19 октября 1691 г. он признавался гетману И.С. Мазепе: “Я до того поглощен заботами при дворе и постоянными обязанностями, что, когда иду спать, не ведаю, смогу ли на другой день завтракать дома” (л. 145).

Дружеские чувства Петра к Гордону сохранялись до конца дней последнего, “принося [царю] большую пользу, расширяя круг его знаний, наводя его на новые мысли, упражняя его в делах военной техники и развивая его понятия... Петр был как бы домашним другом в доме Гордона, обращался с ним как с равным”⁹. Неизменное расположение царя сочеталось с высокой репутацией генерала в верхах русского общества. “Уважаемый и любимый всеми иностранцами, жившими в Москве, он умел заслужить умом, честностью, благородством характера доверенность

---

⁶ Брикнер А.Г. Патрик Гордон и его Дневник. СПб., 1878. С. 166. До сих пор это одно из лучших исследований о Гордоне и его труде.

⁷ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997. Кн. II. С. 467.

⁸ В бумагах шотландского историка клана Гордонов Дж.М. Баллоха (Библиотека Эбердинского Университета. Отдел рукописей и архивов. MS 3051) я обнаружил следующую заметку: “Среди предметов искусства из собрания капитана У.А. Стирлинга Хьюма Драммонда Хэя оф Эберкэрни (Крифф, Пертшир), проданных на аукционе Кристи в Лондоне 11 мая 1926 г., был русский серебряный кубок, подаренный Петром Великим генералу Патрику Гордону, – цена 130 гиней”.

⁹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 79, 81.

и русских вельмож, так что лучше многих мог понимать силы и средства России”¹⁰. Часто появляются в журнале Гордона “новый фаворит” или “первый министр”, брат царицы Л.К. Нарышкин – фактический глава русского правительства до 1694 г.; князя Б.А. Голицын и Ф.Ю. Ромодановский, ближний боярин Т.Н. Стрешнев и др. Этот, по отзыву М.М. Богословского, “кабинет посредственностей”¹¹, оставался у власти почти до самой кончины Гордона в 1699 г. Но круг вовсе не ограничивался боярством и думными чинами – компания Петра I являла собою “чуждую смесь наций, вер, языков, лет, званий”¹². Они поочередно гостили у Гордона, “министра пиров и увеселений”¹³ Франца Лефорта, прочих членов, именитых купцов, монастырских братьев, а также порой у менее знатного люда: уставщика, приказчика, полкового писаря. От природы крепкий и духом и телом, Гордон достиг уже преклонных лет, и при всей выносливости ему часто нездоровилось после буйных многочасовых, а то и многодневных возлияний, “понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, каторой своими листьями засланиет очи”¹⁴. Едва ли не единственным поводом, ради которого прерывались эти пиршества и шутовские обряды, были пожары: на их тушение в столице и окрестностях обычно выезжали совместно во главе с царем в любом часу дня и ночи, даже во время важных похорон (л. 417 об.–418).

Многие историки дают сравнительную характеристику двум весьма несхожим иноземцам, открывшим Петру Запад, хотя редко вспоминают о том, что Лефорт начинал русскую службу как протеже и подчиненный Гордона в его полку в Киеве, жил у него¹⁵ и, вполне вероятно, был рекомендован им царю во время “Троицкого сидения” в сентябре 1689 г. Первое посещение царем Лефорта датируется только 3 сентября 1690 г. (л. 25), что опровергает мнение некоторых авторов об их тесном общении задолго до этой даты. Однако Петр быстро сходил с ним все ближе, и неудивительно, ибо тот был гораздо моложе Гордона и куда более привержен веселью, кутежам и амурным утехам. Я разделяю невысокие оценки талантов Лефорта, данные его современниками и рядом исследователей. “Человек забавной и роскошной, или назвать дебошан французской”, по известному наблюдению князя Б.И. Куракина¹⁶, он “мало или ничего не разумел в военном искусстве ни на море, ни на суше, но милость все возмещала...”, был “предан всякого рода удовольствиям и умел хорошо выносить бокал”¹⁷, однако “не имел прочного образования, не мог быть учителем Петра ни в какой науке, не был мастером никакого дела”¹⁸. Мне представляется обоснованным вывод А.Г. Брикнера: “Петр именно благодаря Гордону привык посещать Немецкую слободу, и чрез Гордона прежде, чем чрез Лефорта, познакомился с нравами Западной Европы”; Гордон “был многосторонне образованным человеком,... постоянно находился в самой тесной связи с западной культурой,... гораздо более, чем Лефорт, мог считаться представителем западно-европейской... цивилизации и потому скорее, чем Лефорт, мог быть наставником Петра и посредником в его сближении с европейской культурой”¹⁹.

В целом отношения Гордона со “славным женецем” оставались родственными (они были женаты на кузинах) и даже дружескими, но не без соперничества и осложнений. Из писем Лефорта его брату явствует, что в начале 1692 г. Гордон стремился получить вакантный пост командира Первого Московского выборного полка (бывший А.А. Шепелева); цари намеревались пожаловать этот regiment Гордону, а его Бутырский передать швейцарцу, но тот “огорчился и просил убедительно не давать мне ни того, ни другого, если не получу первого” – и добился

---

¹⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I. Господство Царевны Софии. С. 129.

¹¹ Богословский М.М. Петр Великий. Материалы для биографии. Т. I. М., 2005. С. 80.

¹² Устрялов Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 128.

¹³ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. II. С. 468.

¹⁴ Петр I – А.А. Виниусу 21 июля 1694 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. № 29. В “компаний” древнеримский Бахус нередко на свой лад именовался Ивашкой Хмельницким.

¹⁵ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. 1678 г. № 19. Л. 32–34. 14 января 1679 г. Лефорт писал матери: “мой кузен Гордон... весьма дружелюбен ко мне, в Киеве я буду иметь стол и жить у него” (Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 62–64).

¹⁶ Кн. Куракин Б.И. Гистория о Царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 66. Любопытно, что едкий князь Куракин, не щадя никого из первых любимцев царя Петра, о Гордоне не говорит ничего дурного.

¹⁷ Gordon of A[u]chintoul A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1755. Vol. I. P. 135. Гордон оф Охинтул служил в России с начала 1696 г. и знал Лефорта лично, хотя в этой оценке могло отразиться и мнение его тестя и собрата по клану, Патрика Гордона.

¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Кн. VII. С. 455.

¹⁹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 75, 78–79.

своего, что “чувствительно затронуло сердце” Гордона²⁰. В “Дневнике” шотландца на сей счет сказано только одно: 20 марта “Лефорт получил Шепелев regiment” (л. 169); как ни странно, ни слова об усилиях автора решить спор в свою пользу (по Лефорту, Гордон “отправился ко всем вельможам вымаливать у них сострадания”). Если Лефорт верно передает суть дела, то Гордон не мог не быть уязвлен, однако он не присутствовал при передаче Первого regimenta своему сопернику не “из огорчения”, как тот пишет, а по причине католической мессы, которую никогда не пропускал по праздникам – было Вербное воскресенье; записи “Дневника” не подтверждают и тогдашних ходатайств Гордона “у всех вельмож”. В любом случае, эпизод не делает чести Лефорту, ибо его “кузен” имел преимущественное право на помянутый пост по бесспорному старшинству чина, заслуг и лет, не говоря уже о том, что новый командир был многим обязан обойденному. При всем том в “Дневнике” и переписке Гордона нет признаков зависти или враждебности к его удачливому свояку, кроме одного прямого, но сдержанного упрека под Азовом (см. ниже). Впрочем, и Лефорт, став главным царским фаворитом (в том же письме он похвально, что “сделал больше за два года, чем другие сумели за сто”), все-таки сохранял уважение к своему первому покровителю.

Сделавшись в 1687 г. полным генералом, Патрик Гордон достиг вершины русской военной иерархии (воеводой он зваться не мог, как неправославный иноземец, а чин фельдмаршала появился в России лишь после его смерти). Однако его правовое положение оставалось своеобразным и несколько двусмысленным. За почти сорок лет усердной, порой самоотверженной царской службы он не только не отрекся от своей веры, но и никогда не присягал на подданство ни одному из царей, неизменно считая себя подданным Британской короны и дома Стюартов. Первоначально он был нанят на три года, затем поклялся служить “доколе продлится война с Польшей”²¹, то есть прибыл, по выражениям той поры, не “на Государево имя”, а всего лишь “на наем”, временно²². Борьба с Речью Посполитой сменилась союзом, но новой присяги, насколько известно, так и не последовало.

* * *

Признавая Гордона “отличным боевым генералом”, Н.Г. Устрялов ошибочно полагал, что он “едва ли глубже Лефорта изучил военное искусство” и имел “самые ограниченные сведения в военном деле, чего он впрочем и не скрывал, сознаваясь князю Голицыну, что инженерного искусства вовсе не понимает”²³. Военные академии тогда еще не возникли даже в самых передовых странах, так что соответствующие сведения и навыки приобретались двумя способами – боевой практикой и самообразованием. И в том и в другом Гордон заметно преуспел, ибо еще будучи простым рядовым рейтаром “часто отправлялся в лагерь, особенно при вести о каком-либо предстоящем бое или приступе, с целью приучиться к опасностям и усовершенствовать познания в военном деле”²⁴. До переезда в Россию он в течение шести лет состоял в рядах армий с, возможно, лучшей в те времена пехотой (Швеция) и кавалерией (Речь Посполита). Он не только служил под знаменами многих одаренных военачальников той эпохи, но и лично хорошо знал польских гетманов князя Ежи Любомирского и Яна Собеского, шведских фельдмаршалов графа Роберта Дугласа и барона Лоренса фон дер Линде, принца Рупрехта Пфальцского, главнокомандующего в Шотландии Томаса Далйелла оф Биннс и генерала Уильяма Драммонда, одержавшего с русским отрядом победу над литовцами при Чаусах; молодой офицер, несомненно, многое почерпнул из общения с ними. Затем он прошел Чигиринские и Крымские походы и особо отличился в 1678 г. искусной обороной Чигирин от огромных османских сил, продержавшись до подхода русской армии. О его инженерном мастерстве уже подробно говорилось в текущей публикации, и от чина инженера как такового он отказывался вовсе не по скудости знаний, а потому, что не считал его почетным²⁵. Таким образом, из всех полководцев молодого Петра, иноземцев или русских, ни один не мог сравниться с Гордоном по богатству опыта и боевым

²⁰ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. С. 102, 132–135.

²¹ Дневник 1659–1667. С. 94, 111.

²² Подробнее об этом см.: Мулюкин А.С. Приезд иноземцев в Московское государство. Из истории русского права XVI–XVII вв. СПб., 1909; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.

²³ Устрялов Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 122, 124.

²⁴ Дневник 1635–1659. С. 86.

²⁵ См. статьи В.А. Ленченко и мою: Дневник 1677–1678. С. 138–141, 169–171.

заслугам в войсках трех держав, так что А.Г. Брикнер по праву признал его “искуснейшим из Петровых генералов”²⁶ – разумеется, ранних петровских лет. Вполне закономерно, что с начала их близости до самой смерти Гордон постоянно оставался главным наставником царя во всех военных делах, и делам этим в “Дневнике” принадлежит первенство. Давно и широко признано, что наш источник “для военной истории... несравненен”²⁷.

Автор командовал одной из лучших регулярных частей русской армии – Вторым Московским выборным полком солдатского строя, известным по месту квартирования как Бутырский. В журнале приведены помесячные списки состава Бутырского полка по званиям нижних чинов, включая отставных, вдов и сирот. Эта часть фактически состояла из нескольких полков, так что Гордон ведет речь о “первом” или “одном из моих региментов” (л. 60 и др.); царский указ от 7 января 1692 г. гласил, что он “со 196-го года имеет команду над Московскими Выборными полками”; о том же сказано и в его послужном списке (л. 157–158 об.). Вероятно поэтому в исторической литературе иногда встречается неверное мнение, что Гордон командовал и Первым Выборным полком²⁸. Он неустанно заботился о полковых делах, стремясь сделать свой Бутырский регимент лучшим (см. описание праздничной церемонии в Кремле (л. 5 об.–6)), а 13 июля 1691 г. им был заложен фундамент “полкового дома” в Бутырках (л. 86 об.). Генерал, начинавший карьеру в образцовой шведской армии, был сторонником неукоснительной дисциплины и однажды приказал понизить 8-ю роту до 10-й за то, что допустила взятие в плен своего капитана на коломенских учениях (л. 464). Австриец Отто Плейер, видевший бутырцев в боях под Азовом, свидетельствует, что солдаты Гордона были “отлично обучены и обмундированы”²⁹.

Гордон стал в буквальном смысле крестным отцом русской гвардии, первым применив этот термин к петровским Потешным 8 августа 1689 г., при их походе в Троице-Сергиеву Лавру³⁰. Еще с 1688 г. десятки гордоновых бутырцев пополняли ряды Преображенского полка, хотя регулярные части из Потешных начали формироваться уже после переворота 1689 г., с появлением в их рядах первых сержантов, а затем общепринятой ротной структуры с обер-офицерами³¹. С весны 1690 г. шотландец как правило руководил конными и пешими учениями и маневрами в Преображенском и Семеновском, так что по сути сделался шефом нарождавшихся гвардейцев. Его журнал пестрит упоминаниями любимой подмосковной Петра: 7 декабря 1690 г. – “в Преображенское; роты Потешных распределены”; 30 сентября 1691 г. – “роты распределены и обучались” там же; 30 марта 1692 г., очевидно по рекомендации Гордона, Георг фон Менгден стал первым командиром Преображенского полка (л. 35 об., 98, 170 об.). В то же время посты первых командиров семеновцев заняли Александр Шарп и Иван Чамберс; Н.Г. Устрялов удивлялся этому назначению, но оно легко объяснимо: оба полковника были “шкотской породы” и дружны с Гордоном (л. 442 об.)³². “Во время тех екзерцией”, – вспоминает кн. Б.И. Куракин, – “иноземцы офицеры имели окацию свою фортуна искать при Его Величестве, понеже они все установляли и рассказывали, как оныя екзерциции отправлять, для того что из русских никого знающих не было... А я был в ту пору в рейтарах в роте генерала Гордона”³³.

²⁶ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 96.

²⁷ Там же. С. 159.

²⁸ Устрялов Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 98.

²⁹ “Sehr wohl exercirt und mundirten manschaft...” (Устрялов Н.Г. Указ соч. Т. II. С. 573).

³⁰ Дневник 1684–1689. С. 202.

³¹ Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900. Т. I.

³² “Для шотландцев, какими были Гордон и Менезий [генерал-майор Пол Мензис – Д.Ф.], знакомых с отечественной историей, переживших стрелецкий бунт 1682 г. и видевших симптомы его повторения, было бы вполне естественно подумать об ограждении личной безопасности Петра устройством при нем, в противовес стрельцам, лейб-охраны по испытанному шотландскому образцу. А так как со времени Лесли в России более не было воинских отрядов, состоявших сплошь из шотландцев, то наибольшим приближением к упомянутому образцу явилась бы вооруженная часть, состоящая из русских, но людей отборных, с преобладанием дворян и царских приближенных, обмундированная и вооруженная по западно-европейски, организованная и обученная пребывающими в Москве шотландцами и, преимущественно, их свойственниками и друзьями... От кого бы ни исходила рассматриваемая мысль, она была в действительности осуществлена и притом с таким преобладанием шотландского элемента над всеми другими, что нельзя не признать за Менезием и его соотечественниками крупной заслуги в этом деле перед Петром и их вторым отечеством” (Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб., 1906. С. 629–630). Подробнее о влиянии “шотландской партии” в России при Петре I см.: Fedosov D. Peter the Great: the Scottish Dimension // Peter the Great and the West. New Perspectives. Ed. by L. Hughes. London, 2001. P. 89–101.

³³ Кн. Куракин. Указ. соч. С. 65, 249.

По инициативе Гордона в русской армии были введены гренадерские роты. Еще его записка князю В.В. Голицыну перед Вторым Крымским походом предлагала учредить роту гренадеров в каждом пехотном полку. Решение по записке неизвестно, но такая рота впервые упоминается в Кожуховском походе именно в Бутырском полку (л. 403 об., 404 об.)³⁴.

“Марсовы потехи” следовали непрерывной чередой: фейерверки, учения, стрельбы, маневры, потешные батальи. 4 сентября 1690 г. шли учения близ Преображенского: “Конные и пешие Стремянные стрельцы были с одной стороны против Потешной [очевидно, преображенцы – Д.Ф.] и Семеновской пехоты и дворян царского двора на конях... Мы бились отрядами, а иногда целыми частями до темной ночи, причем было много раненых и обожженных порохом. Я сам получил пулю в правое бедро чуть выше колена, а при прорыве мне сильно опалило порохом лицо” (л. 25 об.). Такие занятия и впрямь были далеко не безобидны. 27 января 1691 г. от пиротехники тяжело пострадал зять Гордона, полковник Рудольф Штрасбург, который после годовых мучений скончался от ран, причем Петр часто его навещал и присутствовал на погребении (л. 66, 154 об.). Большие маневры имели место у Преображенского и Семеновского 6–9 октября 1691 г.; Гордон размечал лагерь и строил войска генералиссимуса в боевой порядок; полки нового строя снова бились против стрельцов (л. 99–100 об.). Сам генерал не переоценивал этих упражнений и не без иронии говорил о “полевом военном балете”. Тем не менее его собственный огромный опыт, а также и других иноземных офицеров, бесспорно повышал выучку необстрелянных войск, начиная с “бомбардира Петра Алексева”, и способствовал восприятию западных новшеств. Так, в 1693 г. Петр писал Ф.М. Апраксину: “Петру [Патрику] Ивановичу молвь, чтоб инструмент прислал со всем, которой я у него видел, а мне зело нужно на время”³⁵. 4 октября 1693 г. Гордон “передал Его Величеству канонирский квадрант и гранатный мешок”; в другой раз царь изволил прийти к нему “и взял три книги по артиллерии с собою” (л. 318 об., 322 об.) и т.д. Годы потех и полевых учений не прошли втуне и, пусть не сразу, принесли плоды под Азовом и в Северной войне.

* * *

С юных лет царь Петр обнаружил еще более сильную страсть, чем ратное дело, и вскоре со своими приближенными перешел от “Марсовых” потех к “Нептуновым”, хотя, по его же признанию, морское “дело так у нас странно было, что едва слышали о нем”³⁶. Патрик Гордон никогда не был и не мнил себя моряком, но по крайней мере обладал большим опытом мореплавания, чем кто-либо из высшего окружения царя, ибо несколько раз проделывал неблизкий водный путь из Британии до восточной Прибалтики и обратно. Уделял он внимание и военно-морским вестям с Запада (сражение при Бичи Хеде 30 июня (10 июля) 1690 г. – л. 21; сообщения о силах и действиях французского флота – л. 88, 203 об. и др.).

“Дедушками российского флота” были петровские боты, бороздившие Измайловский пруд, Язу и Москву-реку. В 1692 г. на Плещеевом озере, в Переславле-Залесском, под руководством голландских мастеров построили флотилию из двух малых фрегатов и трех яхт; один из кораблей заложил и спустил на воду сам Петр. 25 апреля Гордон приехал в Переславль, причем царь немедля “соблаговолил показать” ему все корабли, а вечером прибыл к нему на квартиру; на другой же день они плавали по озеру и были застигнуты бурей (л. 174 об.). Видя размах приготовлений, Гордон купил в Переславле дом и в августе прибыл снова – на спуск и маневры флотилии. Петр со всеми придворными так увлеклись новыми ощущениями, что даже столовали и спали на борту (л. 188 об.–190 об.). Но Плещеево озеро замкнуто и удалено от главных водных путей, так что тамошние суда не могли найти применения и в конце концов пришли в ветхость. Царь стремился к морским просторам.

Главным и единственным русским портом, ориентированным на Запад, в те годы был Архангельск, хотя при всем своем искусстве сами поморские корабли ограничивались периферией крайнего севера Европы. Далекий от столицы и скованный льдами в течение полугода, этот город сохранял торговое первенство даже после основания Санкт-Петербурга, до конца войны со Швецией. За период навигации в устье Северной Двины ежегодно прибывало до сотни кораблей, преимущественно из Нидерландов, Британии и ганзейских центров (из Гамбурга,

³⁴ Дневник 1684–1689. С. 190: “Иметь при каждом полку роту обученных гренадеров”; *Бобровский П.О.* Указ. соч. Т. I. С. 211.

³⁵ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 18.

³⁶ *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 398.

Любека и Бремена). Во всех этих странах и городах Гордон жил или бывал и имел с ними давние и прочные связи. Через Архангельск пролегал один из главных каналов его общения с Западом; там же обитала его дочь Мэри со своим мужем, командиром стрелецкого полка К. Снивинсом.

За неимением собственных “морских волков” царю Петру пришлось жаловать флотские чины людям сугубо сухопутным. 28 января 1694 г. Гордон был произведен в контр-адмиралы (шаутбенахты) и уведомлен о поездке в Архангельск (л. 356 об.); адмиралом стал князь Ф.Ю. Ромодановский, вице-адмиралом – И.И. Бутурлин. Сам “бомбардир Петр Алексеев” превратился в “Великого Шкипера”. 30 апреля Гордон пустился в дорогу до Вологды по суше, затем по рекам Сухоне и Двине в арьергарде царской флотилии, как положено контр-адмиралу. В “Дневнике” он подробно приводит походный порядок следования судов (л. 371 об.). Маршрут по краю, возможно, самому богатому и многолюдному в тогдашней России, описан весьма подробно, вплоть до малых деревень и речек. Гордон любовался живописными берегами северных рек и “весьма приятно расположенными” храмами и погостами: “прекрасная перспектива, в иных местах словно рукотворная!” (л. 375 об.). 18 мая караван прибыл в Архангельск, 20-го был спущен со стапелей новый корабль, а 30-го царь встретил свой день рождения на борту, без больших торжеств. 16 июня 12-пушечная яхта “Св. Петр” была в качестве контр-адмиральского корабля передана Гордону, который 31 июля по воле царя перевел на английский первый свод русских морских сигналов для раздачи британским капитанам (л. 388 об.).

10 августа 1694 г. три царских корабля, в том числе яхта Гордона, подняли якоря и взяли курс на север для сопровождения 4 немецких и 4 английских торговых судов. Плавание по Белому морю проходило не без помех – сперва почти полный штиль, затем переменчивый бриз и густой туман. 15 августа при крепком ветре и очень слабой видимости яхта контр-адмирала сбилась с курса и едва не налетела на скалу. При описании трудностей этой экспедиции, перенесенных Гордоном, М.М. Богословский, руководствуясь переводом М. Поссельта, чересчур сгущает краски и подтрунивает над “храбрым моряком”: контр-адмирал якобы “пришел в ужас и совсем растерялся” и даже “считал себя погибшим”³⁷. Однако чтение подлинника убеждает в ином: в первом случае автор “Дневника” выказывает только “тревогу” (*anxiety*) и, сознавая опасность, вполне владеет собой, а во втором речь явно идет не о “гибели”, а всего лишь о потере курса, ибо Гордон спокойно стал на якорь, сошел на берег, приступил со слов поморов к описанию охоты на тюленей и занялся сбором ягод и трав, что плохо совместимо с его мнимым отчаянием (л. 393 об., 396). В итоге петровская эскадра благополучно поднялась вдоль Кольского побережья к Баренцеву морю, 17 августа достигла мыса Святой Нос – почти самой северной точки европейской России и 21-го возвратилась в Архангельск. Переславские и двинско-беломорские плавания стали важными вехами, хотя подлинное рождение и крещение русского флота произошло немного позже, во Втором Азовском походе.

* * *

Петр I намного превосходил своих предшественников на российском троне деятельным духом и почти невероятной широтой устремлений, ожидая и требуя того же от своих соратников и подданных. Впрочем, и Гордон, по собственным словам, “не любил сидеть праздно”, так что нередко они с царем не могли застать друг друга на месте. В разгар архангельских приготовлений к морской экспедиции Гордон составляет записку обо всем необходимом для больших войсковых маневров под Москвой, включая сооружение апрошей с редутами и батареями для пушек и мортир и закладку мин. Он предложил также проект таранной машины для прорыва пехотных батальонов, чем царь “был весьма доволен и повелел изготовить три таковые” (л. 390 об.–391 об., 402). Крупнейшие за эти годы войсковые маневры развернулись близ подмосковной деревни Кожухово 24 сентября–18 октября 1694 г. (л. 403–409). Здесь противоборствовали две армии: одна под командой генералиссимуса князя Ф.Ю. Ромодановского, в которой состояли царь Петр и Гордон с бутырцами и другими региментами нового строя; вторая – “Польского короля” И.И. Бутурлина со стрелецкими полками. Войска “наступали в боевом строю согласно поданному [Гордоном] плану”. Были сооружены форты и редуты, велась правильная осада с закладкой мин и проч. 15 октября был произведен решающий штурм крепости Бутурлина. 17-го “после большой борьбы и схватки с обеих сторон, где многие были ранены, а один из моих солдат смертельно, мы

³⁷ Богословский М.М. Указ. соч. Т. I. С. 180–184.

протиснулись в лагерь отовсюду и вынудили полковников с их regimentами покориться и сдаться в плен”. То была последняя потеха, и настала пора для гораздо более ответственных предприятий.

Взоры Петра и Гордона мгновенно обратились от крайнего севера на дальний юг. За игрищами на суше и на море словно забылось, что Россия уже много лет пребывала в состоянии войны с Османской Империей и Крымским ханством (война 1686–1700 гг.). Между тем давно существовала Священная Лига против турок и татар, и Россия впервые принимала участие в коалиции с западными державами (Германская Империя, Речь Посполита, Венецианская Республика, Папское Государство), так что цари должны были нести свои договорные обязательства под угрозой поражения или сепаратного мира со стороны союзников³⁸. Н.Г. Устрялов назвал политику Варшавы “свокорыстной”, что возбуждало “справедливую недоверчивость” Москвы³⁹, но можно понять и чувства католических держав, ведших тяжкую борьбу с грозным врагом от берегов Италии до Днепра, в то время как русский царь, уже не мальчик, годами тратил серебро и порох на забавы. Германская Империя и Речь Посполита через свои посольства долго и настойчиво побуждали Россию по ее обязательствам к наступательным действиям против татар и турок, но после бесплодных Крымских походов на восточном фронте наступило долгое затишье: “с потенциями соседственными была тишина, и никаких знатных дел не происходило”⁴⁰. Гордон, поборник христианского единства против османо-татарской опасности, не без зависти писал Мазепе 21 января 1692 г.: “мы здесь празднуем, пока Ваше Превосходительство со своими [войсками] ищите славы и почестей на стезе доблести” (л. 227 об.). Однако с возмужанием царя Петра и переходом от забав к насущным делам государства так продолжаться не могло.

Когда именно и по чьему совету царь решил направить войска на Азов, ключевую турецкую цитадель в устье Дона, точно не установлено, но можно не сомневаться, что не последнее слово в том было сказано Гордоном, который обычно стоял за решительные действия и имел свои счеты с османами. Со времен Чигирина он был известен туркам и татарам и уважаем ими; уже под Азовом “они весьма дознавались, жив ли я, ибо были извещены каким-то пленным, что я смертельно ранен; по сей причине они пытали одного казака, ибо тот уверял, что я жив и ранен не был” (л. 519). 21 декабря 1694 г. Гордон известил бывшего имперского посланника в России И.И. Куртца, что “сим летом мы свершим нечто важное для блага Христианства и общего союза” (л. 419 об.). 27 января 1695 г. был объявлен указ о всеобщем сборе в поход. При этом задумали отвлекающий натиск на Крым превосходящими силами Б.П. Шереметева и гетмана И.С. Мазепы с украинскими казаками, а главный удар держали в секрете, хотя утаить сборы десятков тысяч людей с огромным снаряжением было вряд ли возможно. Казаки уже брали Азов в 1637 г., но трудность задачи вполне сознавалась Петром, Гордоном и другими полководцами, ибо прежние столкновения с еще могучими, даже после венского разгрома, Османской Империей и Крымским ханством завершились не в пользу России. Бахчисарайский мир 1681 г. подтвердил унижительную обязанность Москвы платить дань Крыму.

В поход под Азов были назначены три самостоятельные дивизии, примерно равные по численности – Гордона, Лефорты и А.М. Головина⁴¹. Старшинство между командующими, по праву принадлежавшее Гордону, не было установлено царем, очевидно, чтобы не оскорбить ничьего самолюбия. В переписке Петра I с высшими лицами государства имена генералов стоят в различном порядке: в письме И.И. Бутурлина царю от 19 августа 1695 г. “Петр [Патрик] Иванович” назван первым⁴², иногда это место отводилось Лефорту. Не принял на себя верховного командования и сам царь, дотоле не бывавший на настоящей войне. Он имел ставку при головинской дивизии и, без сомнения, решающее слово на военных советах.

Как самый заслуженный из российских полководцев, Гордон пребывал на первых ролях на всех этапах подготовки и самой кампании. 7 февраля 1695 г. он заносит в журнал: “мы с Его Величеством записали все боевые припасы и прочее необходимое, что нам надо взять с собою” (л.

---

³⁸ О борьбе европейских держав с турецко-татарской угрозой и связанных с этим аспектах межгосударственной политики см.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в ОВП в. I., 2001. Ч. 2. О переменных успехах Священной Лиги в Венгрии, Трансильвании и на Балканах в эти годы см.: *Stoye J. Marsigli's Europe 1680–1730*. New Haven & London, 1994. P. 36–144.

³⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. II. С. 190.

⁴⁰ Кн. Куракин. Указ. соч. С. 64.

⁴¹ По отзыву очевидца, А.М. Головин был “человеком гораздо глупым, токмо что оной из спальников первый, которой знал солдатскую экзерцицию” (Кн. Куракин. Указ. соч. С. 65).

⁴² Письма и бумаги Петра Великаго. Т. I. С. 531.

446 об.). Занимаясь прежде всего собственной дивизией, Гордон консультировал и командиров двух других; так, 15 февраля он “привел в порядок офицеров” прибывшего к нему Головина (л. 448 об.). На военных советах 20–21 февраля “по моим убеждениям решились на блокаду Азова” [курсив мой – Д.Ф.] и “послать как можно скорее по суше к Азову 10 000 человек, кои с 5 или 6000 казаков должны занять такую позицию перед оным, чтобы не допустить прихода туда никакой поддержки; мне приказано командовать ими и поспешать отсюда сколь возможно” (л. 449 об.). Гордон отправился в поход 7 марта, и его дивизия выступила первой в качестве авангарда, к чему шотландец всегда стремился на всем протяжении своей карьеры. Задержавшись в Тамбове из-за весеннего половодья и сосредоточения войск, он продолжил путь вдоль берегов Хопра, Дона и Дона. Под началом Гордона было пять солдатских региментов (Бутырский – 894 человека; четыре тамбовских – Джеймса Гордона, А. Юренева, Дж. Бэйна и Т. Юнгера, всего 3879 чел.) и семь стрелецких полков (Стремянный С. Сергеева, Д. Жукова, С. Кровкова, И. Кобыльского, А. Обухова, С. Капустина, А. Козлова, всего 4620 чел.); при генерале состояли 16 стольников, 1 стряпчий, 1 жилец, 2 дьяка, 12 подьячих; позже подошли еще два низовых полка – итого около 11,5 тысяч человек; артиллерия насчитывала 31 полевую пушку, 12 картечных орудий и 10 мортир; обоз имел 3986 подвод (л. 473–474).

По пути Гордон встретился с атаманом Войска Донского Фролом Минаевым для совместных действий. “Он и все они клонили к тому, чтобы отговорить меня от похода на Азов прежде прибытия остальных войск. На этом я столь же горячо настаивал...” Все полковники и стрелецкие головы подавали голоса “с растерянностью, опаской, сомнениями и несущественными мыслями и так расходились с моей решимостью и всяким смыслом, что, не услышав ни одного согласованного и твердого решения или совета, я объявил им мое мнение” – наступать (л. 480 об., 482–482 об.). 27 июня 1695 г. дивизия Гордона с донцами первой подошла к Азову. Вскоре прибыл и царь с дивизиями Головина, при которой он пребывал, и Лефорта. Всего при этой осаде в русской армии, без казаков, калмыков и башкир, по словам самого Петра I, насчитывалось “31 000 человек, 60 полкартоун [пушек], 110 мартиров, 20 000 бомбов” – “шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем”⁴³. В азовском гарнизоне, по независимым показаниям, “было при начале осады 6000 человек” (л. 505 об., 510 об.).

“Дневник” Гордона содержит подробнейшую из всех хроник Первого Азовского похода, включая маршрут передвижения войск, силы сторон, ход боевых действий и потери. Детальность изложения являет резкий контраст с русским походным “Юрналем”, написанным, по-видимому, каким-то младшим чином Преображенского полка в дивизии Головина, где по целым дням осады говорится: “ничего не было” или “был дождик маленькой”⁴⁴. Показания Гордона тем важнее, что Первый Азовский поход явно пребывает в тени Второго, победного, как в описаниях современников, так и в последующей историографии.

Было решено, что центр русских осадных линий образует дивизия (по определению командира – “армия”) Гордона, на правом фланге расположится Головин, на левом – Лефорт. 1 июля Гордон вновь пошел вперед в авангарде, с боем занял позицию внутри старого вала у городских стен и окопался там. Остальные корпуса подтянулись лишь на четвертый день. В первой же стычке проявились два противоположных качества царских войск: одни “встретили атаку с достойной отвагой”, другие “страшились вящей опасности более, чем им пристало” (л. 490–490 об.). Если русская пехота с помощью вагенбурга или плотного боевого порядка, иной раз и в атакующих действиях, могла успешно противостоять турецкой, то конница явно уступала сипахам и татарам, что не раз отмечено в “Дневнике”. Различие между потешными батальями и подлинным делом сразу проявилось со всей жестокостью, и далеко не все выдерживали натиск искусственного в боях неприятеля.

“Обозрев по правую руку удобные места, где расположить армию и делать апроши, я подробно написал обо всем к Его Величеству”; “совещался с Его Величеством, где они должны располагаться; ездили вместе и обозрели позиции, где легче и выгоднее всего устроить апроши и батареи,.. а затем [царь] послал меня показать генералу Лефорту его стан” (л. 492 об., 493 об.). Началась бомбардировка Азова из пушек и мортир, причем царь вел огонь собственноручно. Развернулись обширные осадные работы: сооружение траншей, апрошей, батарей и фортов. Люди Гордона намного опережали других, что давало свои преимущества, но и подставляло их под удары с фронта и флангов: “Я выдвинулся далеко вперед и был оголен со всех сторон”; “я

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. II. С. 540–544.

настаивал на скорейшем устройстве апрошей, представляя опасность промедления при осаде” (л. 494, 496 об.).

9 июля 16-пушечные батареи Гордона подавили артиллерию противника и “обрушили большую сторожевую башню, что причиняла нам великий ущерб” (л. 496). Он стремился поспевать везде и распоряжаться всем лично, хотя при протяженности осадных линий и несогласованности действий между корпусами это было нелегко. Турки проводили частые и смертоносные вылазки против всех дивизий, особенно слева – Гордону пришлось выручать Лефорта 7 и 10 июля и в дальнейшем (л. 495, 496, 503). Об этом Лефорт в письме в Женеvu упоминать не стал и даже уверял, что его солдаты смогли отразить сильные нападения без чьей-либо поддержки⁴⁵, но у нас есть независимое свидетельство другого очевидца, австрийского агента в царской ставке Плейера: 10 июля “ночью подкрались турки из города на несколько сажен к лагерю генерала Лефорта, однако были замечены дозором генерала Гордона. Им навстречу быстро вышел в поле самолично генерал Гордон со своим дозором, и так как после этого в обоих лагерях поднялась тревога, то турки повернули обратно”⁴⁶. Существенно, что записки Гордона, как отмечено еще Н.Г. Устряловым⁴⁷, почти во всем согласуются с донесением Плейера императору Леопольду, с письмами и “Юрналom” Петра I и другими источниками.

Военные советы часто происходили у Гордона, как благодаря его авторитету, так и центральной позиции в осадных войсках. После одного из них 14 июля была достигнута первая победа – взята штурмом одна из каланчей, запиравших путь по Дону. Но на другой же день турки, узнав от близкого к царю перебежчика о разрыве в передовых линиях между Гордоном и Лефортом, и пользуясь русской привычкой подремать днем, ответили разящим выпадом “с большим проворством и силой”. Сын генерала полковник Джеймс храбро отбивался, но, получив рану, отступил. Русские бежали “в таком беспорядке и паническом ужасе, подобных коим я никогда не видал”. Панику смог остановить лишь генерал Гордон, хотя и “сам едва не погиб”, но дело стоило осаждавшим ощутимого урона, заклепки тяжелых и потери 7 легких орудий. “Сим несчастьем мы были научены большей бдительности и большему усердию в укреплении редутов и траншей” (л. 498–499). Правда, турки тогда же покинули вторую каланчу, что несколько скрасило неудачу.

18 июля состоялся очередной совет у Гордона, где он настаивал на ряде неотложных мер, но “все подвигается так беспорядочно и медлительно, как будто мы несерьезны” (л. 500). Случалось, что Головин и Лефорт саботировали разумные предложения шотландца, даже одобренные царем: “те не хотели ничего предпринять по чьему-либо совету, кроме их собственного, и не желали, дабы я, вызвавшись самолично командовать [сводным отрядом], стяжал какую-либо славу. Они медлили с присылкой людей, а затем отказались совершенно” (л. 501). 23 июля Гордон “с большим трудом добился посылки отряда, дабы пресечь подход конницы в город”; не меньших усилий ему стоило убедить “тех, кто у меня по правую руку, занять холм, весьма удобный, дабы тревожить город” (л. 502, 503 об.). Многие в русской армии, по-видимому, рассчитывали покорить крепость измором и малой кровью.

Предложение о сдаче было отвергнуто гарнизоном, и кольцо блокады сжалось еще теснее. Несмотря на потерю трети своих людей убитыми, умершими и ранеными и нехватку припасов, османы решили держаться до последнего. Каждый день Гордон “3 или 4 раза проходил по всем траншеям” и отмечал, что “мои траншеи всегда самые дальние, вернее, ближе всех к [туркам] подведены и наиболее им доступны” (л. 505, 511 об.). При обсуждении штурма Гордон указывал, что он недостаточно подготовлен, и “много раз представлял, что последует замешательство при столь большом числе, неопытных офицерах и недостатке хорошего руководства, порядка и командования, однако ничто не помогает. Итак, я должен плыть по течению, если не хочу принять вину за все отсрочки” (л. 504 об.). Он приказал изготовить штурмовые лестницы и мосты для всех армий и “не мог добиться отсрочки штурма, невзирая на все мои настойчивые доводы к противоположному” (л. 506–506 об.).

Первый общий приступ Азова был предпринят 5 августа 1695 г. Сначала “бутырские и тамбовские солдаты... играли свою роль весьма хорошо” и взобрались на вершину турецкого бастиона, причем были убиты азовский бей и ага янычар, но другие посланные на штурм части были слишком пассивны, так что нападавших “не осталось и третьей части”. Царь Петр с казаками

⁴⁵ “Mes soldats pourroit resister a de si grands assaults sans que lon me puisse secourir” (Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. С. 162); Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. II. С. 571; Богословский М.М. Указ. соч. С. 225–226.

⁴⁶ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. II. С. 571–572.

⁴⁷ Там же. С. 231–255, 384 и Приложение XVIII.

пытался атаковать город от реки, но без успеха. “Мы слишком долго ждали повелений и, не получая никаких, я дал приказ отступить”, – пишет Гордон. – “Я решил скорее навлечь немилость, чем бесполезно терять еще больше людей”. Это дело, “внушенное советниками Ровоама, имело самый роковой исход. Тут было убито из всех четырех [включая казаков – Д.Ф.] армий 1500 солдат” и много офицеров. В итоге “не было ничего кроме скорбных взоров и мрачных лиц” (л. 507–508 об.).

Гордон продолжал борьбу не только с неприятелем, но порой и с собственными коллегами по командованию. Ему едва удавалось преодолевать оппозицию на военных “консилиях”: “Слышал много странных мнений о настоящем походе от мудрейших голов” (л. 489 об.); опять созвали “совет, где, по обыкновению, ничего не было толком обсуждено или постановлено” (л. 520). “С большим трудом я добился решения укрепить башни-каланчи, отослать больных и раненых и возвести форт ближе к реке... Я с жаром высказал кое-какие истины, что не было хорошо воспринято, а также касательно дурного соседства у меня при проведении траншей и линий коммуникации наравне со мною”; он упорно добивался “продвижения апрошей со всех сторон наравне и совместно, а также укрепления каланчей земляным валом” (л. 511 об.–512 об.). В результате работы на каланчах все же стали вестись по его плану, но “Дневник” подтверждает тезис американского историка Р. Мэсси: “Лефорт и Головин ревниво относились к превосходящему военному опыту генерала Гордона и были склонны объединяться на советах, чтобы превзойти ветерана-шотландца”⁴⁸.

8 сентября Петр I писал А. Кревету: “подошли к гнезду близко и шершние роздразнили, которые за дасаду свою крепко кусаютца; аднако гнездо их по маленку сыплетца”⁴⁹. Но разорить гнездо никак не получалось. Вопреки предупреждению Гордона, что неопытный минер (вероятно, Адам Вейде) не довел пороховую камеру до стены, мина была взорвана, вследствие чего немало самих осаждавших было убито и контужено (л. 521–522). Шотландец предостерегал и от нового штурма, хотя без поддержки других генералов “не дерзнул возражать один, опасаясь [царского] гнева”; он хотел заручиться поддержкой Лефорта, но “встретил мало постоянства и рассудительности при обсуждении необходимых действий”. Несмотря на все доводы Гордона, “великая жажда овладеть городом побудила иных превозмочь все трудности в своем воображении, не придавая своим словам никаких прочных оснований. Да и на самое сомнение в победе или взятии города взирали как на нежелание взять оный” (л. 522 об.–523, 525 об.).

Наступило 25 сентября. Сигнал к началу атаки подал Гордон. Сперва его стрельцы взойшли на бастион, захватили несколько турецких знамен и засели там. Но прочие войска “только делали вид в ожидании, когда мои совсем расчилят стену, даже участки напротив их позиций, дабы получить менее опасный доступ” (л. 527 об.). Второй приступ начался, когда преображенцы и семеновцы с казаками ворвались было в нижний город, но этот, а затем и третий натиск был отражен турками, так что пришлось отойти. Это предрешило снятие осады, однако при каланчах, названных Новосергиевском, был оставлен трехтысячный русский гарнизон. 2 октября войска выступили в обратный путь, причем корпус Гордона по обыкновению выполнял самую опасную миссию, следуя в арьергарде, прикрывая остальных и отбиваясь от наскоков татар. Все знали, что скоро вернутся к азовским стенам, и многие припасы были оставлены в Черкасске до грядущей кампании.

Несмотря на взятие Шереметевым и Мазепой ряда османских крепостей на Днепре, в том числе Казы-Кермена и Тавани, главная цель не была достигнута. Причины лежали на поверхности: многоначалие, споры командующих из-за “мелочных, щепетильных тонкостей и формальностей” (л. 494 об.), недостаточная взаимная поддержка корпусов. Идея “триумvirата” совершенно не оправдалась. На советах Гордон часто оказывался в меньшинстве, если не в полном одиночестве, так что для принятия даже самых насущных решений ему приходилось по отдельности убеждать, и порой безуспешно, царя и начальников других дивизий. Сказались пестрый состав и неопытность русских войск, особенно в ведении методичной осады, пассивность и медлительность действий, недостаток умелых инженеров и минеров, отсутствие флота (кроме транспортных судов), что не позволяло отрезать Азов от подкреплений по воде – “мы не были в состоянии им препятствовать” (л. 494 об.) и, не в последнюю очередь, самоотверженная и искусная оборона османов. Ход и исход первой осады Азова показали, что даже в корпусе Гордона, включая вышколенных им бутырцев, несмотря на все старания командира, а также в

⁴⁸ *Massie R.K. Peter the Great. His Life and His World. N.Y., 1981. P. 140.*

⁴⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 49.

других лучших регулярных частях царской армии далеко не все обстояло благополучно, не говоря о нерегулярных формированиях. Из “Дневника” в общем можно заключить, что в полках “нового строя” с дисциплиной, работоспособностью, бдительностью и боевыми качествами дело обстояло лучше, чем у стрельцов, но иногда и того оказывалось недостаточно.

Хотя в ходе изнурительной и не оправдавшей надежд кампании Петр и Гордон не всегда сходились во мнениях, и последний опасался вспышек монаршего гнева, “Дневник” и другие источники не содержат упоминаний о каком-либо недовольстве царя старым шотландцем. Напротив, на обратном пути Петр “был очень добр” к нему и “весьма привечал”, они часто навещали друг друга (л. 545 об., 546, 554 об.). Обратный марш по бесплодным и безлюдным краям был тяжок, стояло ненастье с морозом и снегом, многие солдаты погибали от лишений. В походе Бутырский полк потерял убитыми и умершими от ран 88, умершими от болезней 92, ранеными 122 человека (л. 565), то есть почти треть состава. Общих потерь корпуса Гордона в Первом Азовском походе мы не знаем, так как соответствующая таблица в конце V тома “Дневника” заполнена лишь частично; Лефорту, по собственным словам, из 10 400 своих солдат привел обратно около 8000⁵⁰. 22 ноября 1695 г. войска вступили в Москву, но и по пути и по возвращении Петр и Гордон с генералитетом и членами правительства постоянно совещались о мерах для нового похода туда же. 30 ноября Петр писал Ф.М. Апраксину: “с консилии господ генералов указано мне к будущей войне делать галеи”⁵¹, а 26 декабря “всем дворянам был дан указ непременно собраться в Валуйках 16 марта с целью похода на Азов” (л. 563 об.). Жестокий урок был усвоен, и “с неудачи азовской начинается царствование Петра Великого”⁵².

* * *

Внутрироссийские гражданские дела этих лет, в соответствии с призывом и обязанностями автора, тогдашними приоритетами Петра I и способностями царских “министров”, отходят в “Дневнике” на дальний план. “В это время не было издано ни одного замечательного закона, не было сделано ни одного важного распоряжения ни по одной отрасли общественного благоустройства”; действительно, такие государственные акты, как незаседание в приказах на Святки, задержание нищенствующих безместных попов или воспрещение извозчикам стоять в Кремле с лошадьми⁵³ едва ли могли увлечь даже самого пытливого мемуариста. Тем не менее Гордон имел интересы и исполнял царские поручения не только в военной сфере. Так, через него преподносились дары царю от купцов английской “Московской Компании”, в том числе церемониальное оружие, “шляпа с прекрасным белым плюмажем; часы и ящик с инструментами,.. а также много дюжин бутылок канарского, сидра и прочих напитков” (л. 359). Ему же Петр поручил обеспечить поставку из Англии “15 000 аршин доброго сукна” разных цветов, но, очевидно, опять-таки для армии (л. 402 об.). Кроме того генерал способствовал росту импорта в Россию ранее строжайше запрещенной властями “травы богомерзкой, проклятой, бесовской”, по убеждению русских людей XVII в., – табака (л. 447)⁵⁴. В “Дневнике” можно найти немало данных и финансово-экономического свойства: о ценах на недвижимость, многие продукты, товары и услуги в России и на Западе, о денежных единицах разных стран и их соотношении, о мерах и весах и т.д.

В гораздо большей мере автора занимает международная политика, особенно в том, что касается Британских Островов и борьбы Священной Лиги с Османской Империей. Он всегда пристально следил за европейскими событиями, включая войны, сражения, осады, мирные переговоры, коронации, браки августейших особ, избрание пап Римских, курфюрстов и других государей (л. 21–22, 271 об.– 272, 322 и т.д.). Свежие и достоверные вести приходили благодаря его постоянному общению и обмену визитами со всеми иностранными послами, резидентами и комиссарами в Москве, с приезжими с Запада видными купцами, гонцами с Украины и из других мест. Передача сведений была взаимной – еще с 1660-х годов Гордон являлся корреспондентом

---

⁵⁰ Ф. Лефорту. Сборник материалов и документов. С. 164.

⁵¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 53.

⁵² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. С. 513.

⁵³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. II. С. 133, 356–357. Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. III. С. 52–195.

⁵⁴ “Ввоз табака (к которому я содействовал) не подвигается” (Гордон из Москвы – Сэмюэлу Мевереллу 16 сентября 1687 г. – Дневник 1684–1689. С. 224).

“Лондонской газеты”⁵⁵, периодически извещая британцев о важнейших событиях в России. Особенно тесные связи, естественно, поддерживались им с Шотландией путем оживленной переписки с родными, друзьями, тамошней знатью (графы Эрролл, Эбердин и др.), в том числе главными политическими изгнанниками и вождями якобитской партии во Франции и Италии (сторонники свергнутых Стюартов – герцоги Гордон и Перт, граф Мелфорт, сэр Джордж Баркли). Весьма содержателен, например, отчет Гордона графу Эрроллу о Втором Крымском походе (л. 46–47).

Хотя назначение Гордона чрезвычайным британским посланником при московском дворе в 1686 г. не было утверждено царским правительством, он как прежде не оставлял хлопот по укреплению русско-британских связей и защите интересов британских подданных в Московии⁵⁶. При этом Гордон, как и многие члены его клана, оставался убежденным якобитом и никогда не признавал захватившего престол Вильгельма Оранского королем Великобритании. Он с сознанием своего ранга и достоинства писал: “Сколь полезен я был, есть и могу быть при сем дворе для общественного блага [британской] нации. Наши здешние соотечественники, надеюсь, уведомят своих друзей о том, что я сделал для них в настоящем, и насколько могу быть способен послужить им впоследствии... Боюсь, мои старые друзья вышли из моды, а мое мнение может препятствовать обретению новых, хотя случившееся там отнюдь не умаляет моих забот и стараний на благо нации” (л. 48).

Между тем новости с родины весьма удручали русского шотландца – оранжисты подавили восстание шотландских якобитов, за которых сражались его сын и многие родные, а король Джеймс был разбит Вильгельмом в Ирландии (л. 22, 32 об.). Гордон помышлял о собственном вкладе в повстанческое движение и даже собирался бросить клич среди лояльных Стюартам офицеров царских войск: “Моим замыслом и делом было и остается предложить свою службу Его Священному Величеству [королю Джеймсу II (VII) – Д.Ф.], ибо я готов и даже страстно желаю отдать жизнь и все, что имею, в защиту законного права Его Величества... Мне подобало бы иметь несколько чистых патентов, посредством чего я могу привлечь добрых офицеров, коих сумею побудить к чувству долга... Я добился того, что сей двор все еще признает Его Священное Величество” (письмо графу Мелфорту 8 мая 1690 г. – л. 52). О том же он сообщал вождю своего клана герцогу Гордону 15 ноября 1690 г.: “Прискорбная революция в нашей стране и несчастья короля... причинили мне невыразимое горе, что привело меня к болезни и даже почти ко вратам смерти. Будь я там, где мог быть полезен Его Величеству, я бы излил свои чувства по-иному... Будучи столь близок к царю, как ныне (ведь я имею доступ к Его Величеству каждый день)... я добился того, что сей двор по-прежнему признает Его Священное Величество и не желает слышать ни о ком ином” (л. 58 об.–59). Слова не расходились с делом. 24 декабря 1690 г. в журнале Гордона с нескрываемой иронией отмечено: “Копия грамоты, датированной 3 июня, от претендента в короли Англии, именующего себя Уильямом III, переведена и не удостоена дальнейшего внимания под предлогом, что в ней нет имени голландского резидента, – ведь она послана ему для публичного и торжественного вручения. Еще одна, датированная в апреле, уже была отправлена прежде, но, не имея полных [царских] титулов, возвращена резидентом, и прислана сия. Итак, кажется, они должны обзавестись третьей, да и тогда вопрос, будет ли она принята – по разным причинам” (л. 37). Нет сомнений, что Гордон представлял Вильгельма царю и думным сановникам в черном свете – как беспринципного захватчика и узурпатора, подобного Кромвелю, и уверял их в том, во что сам горячо верил – в скором падении оранжистского режима и реставрации законной династии Стюартов.

Однако со временем соображения реальной политики и усилия голландской партии во главе с резидентом в Москве бароном фан Келлером взяли верх. В начале 1691 г. русские власти все же приняли грамоту от Вильгельма и дали на нее официальный ответ. Поражения якобитов и успехи Оранца предрешили судьбу Гордона и преградили ему путь на родину: “Моим великим желанием всегда было вернуться домой и провести остаток дней в моем отечестве... Но ныне отсутствие свободы совести там и великая милость Его Величества здесь почти лишили меня всех надежд. Однако я все еще воображаю и надеюсь, что скончаю свои дни там” (л. 128 об.). Он все же

---

⁵⁵ См. Дневник 1659–1667. С. 209–217; *Kononov S. (ed.) Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. XI; Idem. Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon // Ibid. 1967. Vol. XIII; Pernal A.B. London Gazette as a primary source for the biography of General Patrick Gordon // The Canadian Journal of History. April 2003.*

⁵⁶ Подробнее о русско-британских отношениях в XVII в. и особенно в данный период см.: *Dukes P., Herd G.P. & Kotilaine J. Stuarts and Romanovs. The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee, 2009.*

не считал свое дело окончательно проигранным: “Оранец водворился не настолько, чтоб его нельзя было отстранить” (135 об.). Чаяния якобитов подкреплялись бездетностью, а затем и вдовством Вильгельма. Все эти годы и впоследствии Гордон и его единомышленники, даже на торжественных банкетах в присутствии царя и вельмож, демонстративно пили во здравие короля Джеймса⁵⁷. Они могли утешаться тем, что при жизни Гордона, de facto представителя дома Стюартов при царском дворе, до самого XVIII в. Россия так и не обменялась постоянными дипломатическими агентами с оранжистским правительством Великобритании, т.е. отношения между сторонами не были полноценными.

* * *

Судьба Патрика Гордона, видного представителя шотландской диаспоры, дает яркий образец национальной и клановой солидарности шотландцев при любых условиях. В самые тяжкие времена скитаний своей молодости он был многим обязан вездесущим землякам и, достигнув высших чинов в Московии, сполна воздавал и охотно покровительствовал соотечественникам. Он без устали выступал для них то ходатаем и посредником, то крестным или посаженным отцом, то душеприказчиком. Один за другим уходили из жизни его старые товарищи – генералы Грэм и Мензис, полковники Колдервуд, Гэлбрет и др., зато подрастали и прибывали новые, преимущественно молодые офицеры, и Гордон чуть погоды уведомлял того или иного знакомого, что “добыл капитанский чин для его шурина, а моего кузена” (л. 48). В Архангельске контр-адмирал “Петр Иванович” устроил на царскую службу (в неупомянутых чинах) шотландцев Купера и Кармайкла; последний год спустя погиб от ран под Азовом, приняв перед смертью католическую веру. Имея поручение царя приглашать из Европы офицеров, инженеров и фейерверкеров, Гордон немедленно написал сыну Джону в родовую усадьбу, “дабы прислал в эту страну моего племянника, а также некоторых бедствующих кавалеров и странствующих рыцарей”, т.е. опальных якобитов (л. 559). За пять дней 20–24 января 1695 г. в Иноземской слободе Москвы отпраздновали четыре свадьбы, в которых один или оба новобрачных были шотландскими выходцами, в их числе майор Джеймс (Яков) Брюс, будущий знаменитый государственный и ученый муж, граф и фельдмаршал; разумеется, Гордон был везде почетным гостем (л. 443–443 об.). В редком случае, когда в каком-либо европейском городе нельзя было рассчитывать на земляков, он восклицал: “Я бы желал, дабы в этом Браунсберге обитал какой-нибудь шотландец!” (л. 237 об.).

Одним из типичных протеже генерала стал якобит Хэрри Гордон. В 1689 г. он упомянут как офицер эдинбургского гарнизона под командой герцога Гордона, который оборонял замок шотландской столицы от сил Вильгельма Оранского. В сентябре 1691 г. в чине капитана он по рекомендации герцога прибыл в Россию из Варшавы, получил по протекции Патрика Гордона производство в майоры и состоял в полку графа Д. Грэма в Белгороде. Довелось ему посетить и заседания “всепеньейшего собора” Петра I: “Хвала Богу, меня не донимает царская компания, повидал только три вечера у Хоутмана, кои почти довели меня до смерти; затем я просил извинения и удалился”⁵⁸. 21 января 1695 г. Хэрри женился в Москве, затем стал подполковником, очевидно, участвовал в Азовских походах и в 1697–98 гг. стоял в Архангельске. Он, по-видимому, идентичен с подполковником Андреем Гордоном, который в 1700 г. был пленен под Нарвой, но через десять лет обрел свободу с князем Я.Ф. Долгоруким и русскими пленными, захватившими шведский фрегат, на котором их конвоировали в Гётеборг; 19 июня 1711 г. они благополучно пришли в занятый русскими Ревель⁵⁹. Много бóльшую известность снискал другой шотландский капитан, который приехал в Россию в декабре 1695 г., – Александер Гордон оф Охинтул (1669–1751), впоследствии зять Патрика, генерал-майор, командующий центром якобитов в битве при Шеррамюре и автор двухтомной “Истории Петра Великого”⁶⁰.

---

⁵⁷ 19 апреля 1696 г. “на пиру у генерала Лефорта с большим торжеством пили здравие узурпатора Великобритании, что я отверг, и вместо того пил доброе здравие короля Джеймса” (*Гордон П.* Дневник. Т. VI – РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. № 6. Л. 25 об.).

⁵⁸ *Scottish Slavonic Review*. 1988. № 10. P. 41.

⁵⁹ Вестник времени Петра Великого. СПб., 1906. Т. II. С. 109; *Устрялов Н.Г.* Указ соч. Т. IV. Ч. 1. С. 68; *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830. Т. III. С. 135–137; *Steuart A.F.* *Scottish Influences in Russian History*. Glasgow, 1913. P. 68, 70.

⁶⁰ *Gordon of A[u]chintoul A.* *History of Peter the Great, Emperor of Russia*. 2 vols. Aberdeen, 1755.

Петровский наставник просил прислать ему историю его клана, над которой трудился один из его тезок⁶¹. Он мог по праву гордиться своей принадлежностью к одному из знатнейших родов Шотландии и всех Британских Островов. Клан Гордонов восходит к XII в. и к концу XVII имел ряд титулованных ветвей – маркизов Хантли и герцогов Гордон, графов Эбердин (ближайшая родня отрасли Охлухрис) и виконтов Кенмюр. Прямой предок автора “Дневника”, сэр Эдам Гордон оф Стрэтбоги, в 1320 г. доставил ко двору папы Римского манифест независимости Шотландии, будучи послом короля Скоттов Роберта I. К XVIII в. в Шотландии насчитывалось не менее 369 отраслей клана, владевших поместьями⁶²: “даже если я с ними незнаком, ибо многие принадлежат к роду Гордонов..., однако же [мы] словно одна семья” (л. 315). По материнской линии царский генерал происходил из не столь многочисленного, но также знатного клана Огилви (ветвь Дескфорд и Финлэтер). Дорожа своими корнями, он тщательно вникал во все личные и имущественные обстоятельства, весьма заботился о делах с шотландской родней и соседями, о благосостоянии фамильной усадьбы Охлухрис; еще с 1660-х годов он прилагал все усилия, чтобы воссоединить ее и избавиться от долгов, полностью выкупив все заложенные участки; стремился переподчинить свой вассалитет по имению от графа Эрролла к короне. Это небольшое владение оценивалось в 357 шотландских фунтов 6 шиллингов 8 пенсов годового дохода⁶³.

Не имея возможности вернуться в Шотландию, вожь российских Гордонов возлагал надежды на своего наследника. Старший сын генерала Джон (1667–1712), хотя в юности и числился русским прапорщиком, отошел от военного ремесла, поселился в родовом поместье Охлухрис и по настоянию родных получил на него дарственную от отца. Впрочем, он оказался нерадив и годами не отвечал на письма, хотя отец слал ему подробные инструкции и требовал точных отчетов об их исполнении (л. 42–45). Джон получал от него такие увещания: “Всю жизнь я более стремился к почету, чем к богатствам, и всегда предпочитал малость, добытую чистой совестью, нежели большое состояние, полученное несправедливыми средствами. И будь уверен – нет ни одного дурно добытого фартинга ни в чем, что я имею” (л. 49 об.–50, 51–51 об.); “мне не по нраву та жизнь, что ты ведешь”; дошло даже до угроз проклятия (л. 129; 131 об.–132, 135). Тем не менее 11 января 1692 г. Патрик Гордон составил и отослал в Шотландию распоряжение о передаче Охлухрис Джону (л. 156, копии акта: л. 215–216 об., 226–227)⁶⁴. Наконец, последовала негодующая отповедь от 12 Января 1694 г.: “Сын., что сие лишено обычного эпитета, тебе некого винить кроме себя самого” (л. 347 об.–348 об.). Впоследствии, однако, новый лэрд оф Охлухрис был прощен, 20 сентября 1692 г. вступил в одобренный отцом брак с католичкой Элизабет Грант (л. 273) и гостил с женой в России в 1698–99 гг.

Больше походил на отца и радовал его второй сын Гордона Джеймс (1668–1722). В 1688 г. “он принял службу у аглецкаго короля в гвардии кадетом и в том же году пожалован прапорщиком и там дослужился капитанскаго чина и был на розных баталиях сухим и воденым путем”⁶⁵. Он сражался в Шотландии за восставших якобитов и 27 июля 1689 г. был тяжело ранен в бою при Килликранки (л. 138 об.), после чего ездил во Францию и Ирландию. 22 сентября 1690 г. через Гамбург, Гданьск и Ригу прибыл в Москву, сразу представился на свадьбе своей сестры “младшему царю”, по его воле вернулся на русскую службу и был пожалован в подполковники Бутырского полка (л. 127–128 об.). В августе 1691 г. Джеймс ездил с Петром I в Переяславль, 23 ноября 1693 г. стал полковником и вскоре отправился в Тамбов, где набирал новые полки, хотя и “будучи в ожидании кое-чего в Шотландии” (л. 282). В Азовских походах он командовал тамбовцами в дивизии отца; 15 июля 1695 г. во время вылазки турок мужественно “отражал [их] трижды, но наконец, когда все его покинули, а сам он получил рану, был принужден отойти” (л. 498).

⁶¹ “Если опубликована история Гордонов, кою составлял м-р Пат[рик] Гордон, пусть мне пришлют оную” (Меморандум П. Гордона оф Охлухрис капитану Уильяму Гордону, 1691 // *Scottish Slavonic Review*. 1988. № 10. P. 49).

⁶² *The Register of the Great Seal of Scotland. Edinburgh etc.*, 1984. Vol. I. № 566; *Bulloch J.M. The House of Gordon. Aberdeen, 1903–1912. Vols. I–III; Федосов Д.Г. Арбротская декларация независимости Шотландии 1320 г. // Средние Века. № 52. 1989. С. 99–114. Родословную Патрика Гордона см.: Дневник 1635–1659. С. 274–275.*

⁶³ Т.е. без малого 30 фунтов стерлингов – Библиотека Эбердинского Университета. Отдел рукописей и архивов. MS 252. *Valuation of Aberdeenshire. 1674. F. 39; MS 568. The Book or List off Poleable Persons within the Shire off Aberdein. 1696. F. 831.*

⁶⁴ Джон Гордон вступил в законное владение отцовским имением Охлухрис 8 сентября 1692 г. (*Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries. Aberdeen, 1859. P. 213.*)

⁶⁵ “Сказка” (отчет о службе) Джеймса Гордона – РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. № 50. Л. 11.

Третий сын Патрика Гордона (от второго брака с Элизабет Ронаэр) Теодор (1681–1736?) в июле 1692 г. был послан учиться в Иезуитскую Коллегию города Браунсберга (ныне Бранево) в Восточной Пруссии – одно из лучших высших учебных заведений Речи Посполитой, где получил образование и сам генерал. Последний стремился, чтобы Теодор “понимал латинских авторов, говорил на языке, был совершенен в арифметике и благовоспитан” (л. 351 об.), и педагоги подтверждали, что мальчик “преуспевает в благочестии, добронравии и учении”. Кроме того Теодор ездил в Гданьск обучаться военному строю и обращению со знаменем и пикой – отец готовил его к чину прапорщика, который вскоре и был им получен. Младший Гордон возвратился в Москву в 1695 г., и царь Петр лично оценил его умение владеть оружием и стягом (л. 556 об.).

Обе старшие дочери Патрика вышли замуж за московских офицеров-иноземцев, но вскоре овдовели. 23 сентября 1690 г. вторая дочь Мэри обвенчалась с капитаном Дэниэлом Крофордом, “причем присутствовали Его Величество и разные другие, с главными лицами Слободы”; венчание совершил голландский священник за неимением католического, и то было первое посещение царем неправославного обряда (л. 27 об.). 1 декабря 1691 г. состоялась свадьба свояченицы Гордона, также в присутствии Петра (л. 107). 12 Мая 1692 г. Мэри вышла замуж вторично, за майора Карла Снивинса “в присутствии Его Величества, а также многих вельмож и офицеров” (л. 177); только рыба на этом пиру обошлась в 30 рублей – месячный оклад штаб-офицера!

Младшие сыновья Гордона получили имена, весьма редкие для их клана и Шотландии вообще. Сын Питер родился 3 июня 1691 и умер в 1695 г. (л. 81). Очевидно, он был назван в честь царя, но крещен в католической вере, а восприемниками стали имперский посланник и польский резидент. В ту пору смерть часто посещала дом Гордона: безвременно скончались дочь Джейн и сын Джордж, а также оба зятя – 14 Мая 1691 г. майор Дэниэл Крофорд, 4 января 1692 г. – полковник Родион Штрасбург, по отзыву главы семьи, “два совершеннейших и наиболее достойных человека в этой стране” (л. 220). Правда, к этому времени он мог утешаться внуками и передавал привет Теодору от “Анюши, Олиньки и Федора”; в ласкательных русских формах отражено культурное многообразие их среды обитания, как и в наставлении отца-шотландца родившемуся в Киеве Теодору по-немецки: “Vergesse dein Russe sprache nicht” (“не забудь твой русский язык”, л. 285 об.). Кроме того в доме Гордонов жили и воспитывались два сына покойного подполковника Хэмилтона.

Большая семья и изобильные приемы, часто даваемые десяткам высоких гостей во главе с царем и иноземными послами, подразумевали вместительный кров и обширное хозяйство. Гордон не прекращал строительных работ и не раз расширял свою усадьбу в Иноземской слободе (“условился с плотниками... переделать комнаты и о трех новых” – л. 177 об. и т.д.). Были сооружены новая кухня, баня, сенник и погреб с амбаром и выкопан большой пруд. Служебные и праздничные генеральские выезды требовали десятков породистых лошадей, новых конюшен, нескольких карет и экипажей, которые были украшены гербом Гордонов с тремя кабаньими головами и ливрейными цветами – лазурью и золотом. К тому же, в отличие от царя Петра, генерал нередко развлекался охотой на разную дичь. Зная хозяина как “большого любителя насаждений” (л. 42 об.), можно предполагать, что его московский сад не уступал киевскому.

На склоне лет участились и усугубились недуги Гордона. Его журнал приводит ряд ценных сведений по медицине XVII столетия: описание симптомов болезней, способов лечения, лекарств. Упоминаются такие средства, как “рачьи глаза”, “маркграфский порошок”, настой считавшегося тогда целебным ландыша и др. (л. 311, 362 об., 486). В своих походах автор примечал полезные растения и на севере, и на юге России (л. 396 об., 482 об.).

Таким образом, “Дневник” хранит многие черты быта и личной жизни “патриарха Иноземской слободы” и является единственной в своем роде исторической хроникой слободы в целом.

* * *

Одним из важнейших призваний Патрика Гордона стало его главенство в католической общине Москвы. После долгих усилий при поддержке иностранных держав, прежде всего Германской Империи, в 1684 г. он добился у царей права открыть первую в России католическую церковь, вначале деревянную. 5 февраля 1690 г. был заложен новый храм (л. 3 об.), а при нем родовая и личная усыпальница фундатора. Набожный генерал усердно посещал все мессы, что до того было немисливо не только в Московии, но и в его родной Шотландии с ее строгим

пресвитерианским строем. Он неустанно хлопотал о священниках (трудности повлекла высылка и недопущение иезуитов, но просьбы к венскому двору увенчались приездом патеров-чехов), убранстве храма, приходской школе, делал щедрые пожертвования и вклады (л. 328, 357 об., 366 об., 367 и др.). В июле 1692 г. “храм наш был расширен и подобающе украшен” (л. 236 об.). 20 ноября 1694 г. Гордон “говорил с Его Величеством, дабы дал нам позволение построить наш храм из камня; он милостиво согласился” (л. 414 об.).

Каменное строительство было начато: “на дворе торгового иноземца Франца Гваскония строят его каменщики... Костел четверугольный, под ним выкопан и сделан в земле каменный погреб по 3 слишком сажень длины и ширины, над погребом складены вверх из кирпича все 4 стены более полутора сажень; стройку каменщики продолжают, и она час от часу прибывает”. Сам Франческо Гуаскони пояснял, что “приказал ему генерал Петр Гордон, пред своим отъездом из Москвы на низовую службу, построить каменное строенье, где бы погребать по Римскому обычаю людей католической веры его, Петра Гордона, фамилии; стройку вести на его, Петровы, деньги, сколько бы их ни пошло. По Гордонову приказу и на его деньги он, Гвасконий, то строенье и строил.. Подмастерий для постройки и поставщиков кирпича и извести подряжал еще сам Гордон... Это каменное строение, сооружаемое по приказу и чертежу [курсив мой – Д.Ф.] Гордона – не костел: погреб – для погребения, палатка... – для гулянья. А генерал Петр Гордон приказал ему строить это каменное погребение на том дворе по указу ли Великих Государей или собою, этого он, Франц, не знает”⁶⁶. Хотя сооружение было приостановлено по отсутствию письменного указа и из-за происков и доносов слободских протестантов (в частности, врача фан дер Хулста – л. 290), но службы в деревянном храме никогда не прекращались.

Более того, 12 декабря 1694 г. сам царь Петр “слушал богослужение в нашей церкви и обедал у меня”, а 15-го царь с придворными присутствовали на торжественном погребении по католическому обряду генерал-майора Мензиса (л. 417–418). Даже под Азовом Гордон обращался к Петру с просьбой “касательно места моего погребения, ибо в Москве препятствовали завершению и покрытию оно; он обещал написать об этом” (л. 499 об.). В итоге ревностному шотландскому католику удалось то, чего веками не могли добиться Римский папа, Германский император и монарх Речи Посполитой – основание первого в России костела. Главным образом за это достижение его сын и преемник во главе московской католической общины Джеймс в 1701 г. был первым из российских подданных возведен в графы Священной Римской Империи, а в 1706 г., также первым из уроженцев России, стал рыцарем Ордена Св. Иоанна Иерусалимского⁶⁷.

Патрик Гордон поддерживал тесные контакты с зарубежным католическим клиром (Иоганном Шмидтом, ректором Иезуитской коллегии в Решеле, затем в Браунсберге, Эрнстом Штурмом в Митаве, епископом Оломоуца и др.). Однако он отнюдь не был нетерпимым “фанатиком”, каким его рисует Д.В. Цветаев⁶⁸. Он постоянно и сердечно общался со многими православными и протестантами, обменивался дружескими визитами с лютеранами, англиканами и кальвинистами, выступал посредником в спорах между ними (л. 180 об., 363 об. и др.), а голландского резидента барона фан Келлера, своего религиозного и политического противника, даже взял в крестные отцы своей дочери. Посещал он и православные литургии⁶⁹, жертвовал на русские храмы: внес 5 рублей на возведение каменной церкви для стрельцов в Архангельске, а на казачью церковь в Черкасске 5 дукатов (л. 384, 537). Символично, что и в Киеве, и в Москве у него праздновали 30 ноября – день Св. Апостола Андрея Первозванного, небесного покровителя и Шотландии и России.

* * *

Хотя в предыдущих частях “Дневника” приводятся копии нескольких писем автора, самый большой корпус его переписки содержится в V томе. Это 117 адресованных писем, приведенных полностью или частично, не считая просто упомянутых или вкратце изложенных, на английском и латинском языках (одно по-немецки – сыну Теодору). Бывало, Гордон составлял и получал по десятку и более посланий в день. Причина внесения их в этот том журнала неясна, ибо Гордон вел и отдельную книгу писем (л. 108). За 1690–92 гг. они помещены в конце каждого года, после поденных записей, за 1693–94 – в самом тексте “Дневника”, под датами написания. За 1695 год,

⁶⁶ Цветаев Д.В. История сооружения первого костела в Москве. М., 1886. С. 107–109.

⁶⁷ Archives of the Order of Malta. № 265. F. 180.

⁶⁸ Цветаев Д.В. Указ соч. С. 60 и др.

⁶⁹ Дневник 1684–1689. С. 53–54, 85.

возможно, по нехватке времени вследствие забот Азовского похода, дается только их краткое содержание.

“Дневник” включает только исходящие письма. Среди адресатов преимущественно сыновья и шотландские родные автора и его западные корреспонденты, а из знатных царских подданных – гетман Украины И.С. Мазепа, который не раз слал Гордону подарки, и окольный А.А. Матвеев (с обоими переписка велась по-латински). С 1695 г. начался обмен письмами с царем Петром (прежде не было такой надобности, ибо они редко расставались надолго). 29 марта из Тамбова Гордон писал “к Великому Бомбардиру дважды в конверте м-ра Винууса, одно русскими буквами, другое латинскими” (л. 458 об.). Это доказывает, что Гордон владел русским письмом, но, к сожалению, в “Дневнике” копии писем царю, русским вельможам и воеводам отсутствуют. Особую группу образуют письма, частично копированные в “Дневнике” и переданные с капитаном Уильямом Гордоном, который умер в Ревеле по пути в Шотландию, после чего его бумаги попали в таллиннский архив⁷⁰.

Широкая сеть международных связей Гордона охватывала Шотландию, Англию, Нидерланды, шведскую Прибалтику (Рига, Нарва, Ревель, Стокгольм), ряд городов Речи Посполитой (Гданьск, Варшава, Львов и др.), Пруссию, Вену и Германскую Империю, даже миссию иезуитов в Китае (л. 232 об.). Не менее впечатляют контакты и по царским владениям (Киев и другие города Украины, Новгород, Псков, Смоленск, Архангельск, Белгород, Севск, Тамбов и прочие провинциальные города до самой сибирской столицы Тобольска).

В то же время происходил деятельный обмен заказами, вещами, товарами, идеями. Гордон был дружен с казначеем “Российской (Московской) Компании” Сэмюэлом Мевереллом и многими другими видными коммерсантами из разных стран, использовал все возможные okazji через родных и знакомцев: “Если есть какие-либо новые военные или механические изобретения, недавно представленные кем-нибудь из [Лондонского] Королевского Общества, я прошу модель и описание оных, а если есть что-нибудь здесь [в России], о чем [в Обществе] желают уведомиться..., я весьма охотно постараюсь дать им удовлетворение” (5 мая 1691 г., л. 135). Он выписывал из-за границы различные инструменты, математические (л. 170) и музыкальные (орган-позитив – л. 358). 8 июля 1692 г. генерал просил Меверелла “прислать мне еще один путемер и кронциркуль, ибо Его Величество взял у меня оные; есть также другой инструмент, полезный для метания бомб и больших снарядов, что я желаю [иметь], с... описанием способа метания столь многих бомб за час” (л. 235–235 об.). Из Западной Европы им также заказывалось огнестрельное и холодное оружие, столовое серебро, одежда, украшения, парики, кружева, различная утварь; родным было велено доставить в Москву “5 или 6 пар наилучших шотландских пледов”⁷¹, а его родственнику Уильяму Гранту оф Крихи предложено пересылать друг другу шотландские и русские изделия (л. 445). На Запад Гордон отсылал в подарок или на продажу меха (соболь, горноста́й, белка), персидские платки, рыбную икру.

Предмет его особого внимания составляла выписка и соби́рание книг. Этим он был увлечен с молодых лет и, по-видимому, образовал внушительную библиотеку из нескольких сотен томов, которую можно частично восстановить по “Дневнику” (см. список на л. 228–228 об.). Среди прочего упомянуты трактаты по военному делу, артиллерии, пиротехнике, фортификации и инженерии, включая труд знаменитого Вобана (л. 60 об., 265, 311 об., 316 об., 363 об.); “о новых или недавних изобретениях” (л. 130 об.); теологии (л. 351 об.); медицине и хирургии, коневодству, придворном и светском этикете, спортивных забавах и играх; политические памфлеты: “книги или бумаги, изданные в пользу короля Джеймса, или что-нибудь беспристрастное относительно наших времен”, “во чтении коих там ныне лучше не признаваться” (л. 228 об., 131), в том числе сочинения выдающегося шотландского юриста сэра Джорджа Маккензи оф Розхоx; исторические и географические труды о Британии, Речи Посполитой, Венгрии, Османской Империи и их войнах; “Вторая декада о Бельгийской войне” Фамиано Страды (л. 156 об.); описания путешествий; гербовники (л. 61 об.); рыцарские романы, среди них, похоже, первое в России упоминание “Дон Кихота” Сервантеса от 12 декабря 1691 г. (в предыдущих томах впервые в нашей стране упоминаются Ариосто и Шекспир); а также “Аркадия” сэра Филипа Сидни, “Беседы” Мадлен де Скюдери, сатирическая поэма “Гудибрас” Сэмюэла Батлера, “Стихотворения” Дж. Кливленда (л. 152 об.) и др. В журнале нередко встречаются цитаты,

⁷⁰ *Dukes P. Patrick Gordon and his family circle: some unpublished letters // Scottish Slavonic Review. 1988. № 10. P. 19–49.*

⁷¹ *Ibid. P. 39.*

литературные и исторические аллюзии из Библии, Горация, Овидия, Цицерона⁷² и других источников. Кроме того приводятся ссылки на трактат короля Джеймса VI (I) “Государев дар” и изречение Германского императора Фердинанда I (л. 224 об., 230 об.). В последние годы жизни Гордон подарил значительную часть своей библиотеки московской католической миссии; этот дар оценивался в 600 флоринов⁷³.

* * *

Пятый из сохранившихся томов “Дневника” Гордона заметно превосходит все остальные по объему (565 листов, около 140 000 слов). По форме он весьма многообразен – это не только журнал, но и сборник корреспонденции и различных документов. В их числе: списки полковых окладов, личного состава по званиям, боевых припасов и артиллерии, походных потерь; смета Бутырского полка пером русского писаря (л. 74); руководства по постройке таранных машин и мостов; тексты приветственных речей на рождение царевичей; царский указ 7 января 1692 г. о прибавке к жалованью и послужной список Гордона⁷⁴; порядок следования судов петровского речного “каравана”; “Постановление об окладе Ирландских полков во Франции”; послание курфюрста Бранденбургского королю Франции от 16 мая 1679 г.; два варианта акта о передаче родового имения Охлухрис старшему сыну Джону; доверенность на ведение дел в Шотландии; меморандумы купцам Ллойд и Стайлсу по личным делам автора; перечни припасов и долгов; счета за экипажи, напитки, снедь, пряности и проч.; краткие очерки о лапландцах и самоедах (л. 394 об.–395) и донском казачестве (л. 472 об., 538 об.–540).

Историки еще со времен Н.Г. Устрялова очень высоко оценивают “всегда правдивый... рассказ Гордона”, “не уступающий никакому акту в достоверности и точности”, ибо автор “ни в одном числе не ошибался, кроме одного или двух случаев, записывая все ежедневно” и был “весьма точен и отчетлив в именах”⁷⁵. О “фотографической точности” записок русского шотландца говорит и А.Г. Брикнер, поскольку они “сближаются иногда с архивным материалом и даже превосходят его точностью и беспристрастием”⁷⁶. Многие показания “Дневника” уникальны, но достоверность запечатленных там дат и событий проверяется и как правило подтверждается гражданским и церковным календарем, сохранившимися документами, независимыми источниками. Порой в тексте попадаются ошибки, описки и неточности (некоторые указаны в примечаниях), но не искажения. Мне затруднительно привести хотя бы один доказанный пример намеренного извращения автором фактов, хотя кое о чем он предпочитал умалчивать.

В филологическом отношении журнал Гордона не меньший кладезь, чем в историческом. Язык источника – английский с россыпью шотландских слов (*infer, laird, ensignie, infeft, mains, pleugh, fele* etc.), форм и выражений (“*burn’d bairnes fyre dreads*” – л. 228 об.). Здесь великое множество терминов русских (*kniiaz, woowod, dumny, step, knute, weczinka, zolotnik* и др.), латинских, немецких, французских, а также полонизмов; они по большей части отмечены в комментариях. В “Дневнике” встречается немало сокращений, большинство которых не представляет загадок, хотя иные небесспорны или пока не расшифрованы.

Наконец, еще несколько слов об изъянах и упущениях прежних изданий “Дневника”, которые восходят к далеко не безупречному немецкому переводу Моритца Конрада Поссельта⁷⁷, перешли в выполненные с немецкого русские версии М. Салтыковой⁷⁸ и П.М. Майкова⁷⁹ и с тех пор кочуют от одного историка к другому. Этих промахов довольно много, что нередко сильно искажает и букву и дух подлинника, а то и приводит к несправедливым упрекам Гордона в

⁷² “Деньги... суть нервы войны” (Дневник 1684–1689. С. 7) – *Nervos belli, pecuniam infinitam* (Цицерон. “Филиппики”. V, 2).

⁷³ Письмо патера Ф. Эмилиана 23 июня 1699 г. // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Рязань, 2010. С. 49.

⁷⁴ Этот документ особенно важен ввиду почти полной утраты актов Иноземского приказа, освещавших службу в России офицеров-чужестранцев и Патрика Гордона в частности.

⁷⁵ Устрялов Н.Г. Указ соч. Т. I. С. 223, 306; Т. II. С. 350, 355.

⁷⁶ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 141.

⁷⁷ *Tagebuch des Generals Patrick Gordon*. Moskau, 1849. Bd. I; St. Petersburg, 1851–1853. Bd. II–III.

⁷⁸ Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. I–II.

⁷⁹ Русская старина. №№ 165 (янв.–март 1916), 166 (апр.–дек. 1916), 169 (фев.–март 1917), 170 (апр.–июнь 1917), 171 (июль–сен. 1917), 174 (апр.–июнь 1918), 175 (июль–сен. 1918). Я ознакомился с переводом П.М. Майкова в рукописи (РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. № 22), а также использовал его копию, любезно предоставленную мне директором РГВИА И.О. Гаркушей.

ошибках, тогда как последние на совести переводчиков. Например, при описании поздравительной церемонии по поводу рождения царевича 18 октября 1691 г. Поссельт и его последователи называют местом действия Кремль и даже путают имя новорожденного – Алексей вместо Александра⁸⁰; между тем у Гордона имя дано верно и речь идет не о Кремле, а о “дворце или дворе”, разумея Преображенское (л. 101 об.–102). В то же время царь Петр часто навещал не большого боярина Родиона Стрешнева⁸¹, как следует из ряда публикаций, а полковника Родиона Штрасбурга, раненного при взрыве фейерверка. Число казачьих войск, назначенных в поход к Азову с авангардом Гордона, Поссельт, М.М. Богословский и другие определяют всего в 500–600 человек; по “Дневнику” их на порядок больше (л. 449 об.). Иногда же разночтения носят нелепый, а то и забавный характер: орган-позитив (музыкальный инструмент – л. 358) в прежних переводах превратился в некий “положительный ответ”, а *Rorate* (песнь католического богослужения – л. 416 об.) – в Разрядный приказ!⁸²

Впрочем, дело не только в частностях, пусть и важных. С января 1692 г. Поссельт без всяких объяснений меняет повествование “Дневника” с третьего лица на первое, хотя Гордон всегда вел свой журнал только от первого лица. Сверх того в публикации Поссельта “перевод” часто сводится к вольному пересказу, с большими пропусками и перестановками текста и весьма скудным, произвольным и отрывочным комментарием; все письма Гордона были вырваны из контекста и помещены в другом томе без пояснения, откуда они взяты и т.п. В предлагаемом ныне издании сделано все возможное, чтобы не допускать никаких отступлений от оригинала.

* * *

Оригинал V тома “Дневника” Гордона хранится, в числе всех шести уцелевших частей этого источника, в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве в Москве⁸³. Археографическое изучение и описание рукописи, как и для предшествующих томов, осуществлено М.Р. Рыженковым, который любезно предоставил свои выводы для настоящего издания.

Подлинник пятого тома “Дневника” написан на бумаге форматом в четверть листа, сложенной в тетради, объединенные под единым переплетом. Авторская пагинация отсутствует, нумерация листов (неавторская) была сделана после поступления рукописи в архив. Текст размещен по обеим сторонам листа и занимает площадь 18 x 12,5 см, при полностью исписанной странице (примерно 30 строк). Размеры полей составляют: сверху 1,5–2 см, справа и слева 1,5–2 см, внизу 1–1,5 см.

Весь текст написан рукой автора “Дневника”, за исключением л. 74, где помещена (подклеена?) ведомость на русском языке, составленная писарем. Анализ оттенков бурых железозалловых чернил и качества перьев позволяет определить объем единовременных записей от (?) до (?).

Бумага, использованная для рукописи пятого тома “Дневника”, в основном аналогична той, что была использована для предыдущего, четвертого тома. Водяные знаки “Амстердам” (л. 1–6), “Шут” (л. 7–20, 23–40), “Двуглавый орел” (л. 64), “Рожок” (л. 397–420) свидетельствуют, что это голландская бумага, производившаяся в конце 80-х–90-х годов XVII в. и завозившаяся в Россию в больших количествах через Архангельск. Новой, не встречавшейся в более ранних томах “Дневника”, является бумага с филигранью в виде двух ангелов, несущих корону над Богородицей (л. 89). Такая филигрань была описана в рукописных источниках, датированных 1684–90 гг.⁸⁴, что (с учетом возможной залежности бумаги) вполне соответствует времени создания публикуемого памятника.

Некоторую проблему представляют пять тетрадок чистых листов бумаги, переплетенных в составе рукописи. Первая тетрадка из 12 листов предшествует написанному уже в архиве титулу и не учтена в архивной нумерации листов. Вторая аналогичная тетрадка занимает л. 112–127, третья – л. 246–261, четвертая – л. 330–345, пятая – л. 425–439 (последние листы книжного блока). Все “чистые” тетрадки состоят из бумаги одного и того же производства, отличающейся по качеству

⁸⁰ Tagebuch. Bd. II. S. 353–354; *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. I. С. 116–117.

⁸¹ Tagebuch. Bd. II. S. 332 etc.

⁸² Ibid. S. 496.

⁸³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 15. № 5.

⁸⁴ *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филигранны XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988.

(большая плотность) от бумаги основного корпуса рукописи, и имеют одинаковую филигрань. Она представляет собой герб Саксонского курфюршества (рассеченный щит со скрещенными мечами в правой и рутовой перевязью в левой части, увенчанный “электорской шапкой”), покоящийся на скрещенных пальмовых ветвях. Такая филигрань на бумаге XVII в. не попадала в описания отечественных археографов, хотя использование саксонского герба (без арматуры из пальмовых ветвей) с надписью DRESDEN описывалось на бумаге, имевшей хождение в 1580-х–90-х годах в Европе и в России⁸⁵.

Идентификация названной филигрании позволит уточнить историю бытования самого рукописного памятника: возможно, автор сам добавил чистых листов перед отдачей рукописи в переплет, намереваясь впоследствии дополнить свой “Дневник” какими-либо записями (в предыдущем томе он заранее оставлял такие лакуны), но, возможно, “добавка” листов к книжному блоку была сделана позднее, при поновлении переплета. **Есть вероятность, что последняя запись Гордона в данном томе сделана на саксонской бумаге, но уходящий в корешок фрагмент филигрании не позволяет утверждать это однозначно.**

Переплет тома цельнокожаный (светлая гладкая кожа) по картонным крышкам. В ходе реставрации в 2003–04 гг. был заменен корешок(?), но сохранена кожаная поверхность крышек переплета с тиснением. Крышки имеют обрамление и ромбовидный средник с растительным орнаментом и со следами позолоты. Размеры верхней и нижней крышек переплета составляют 21,5 x 17 см, толщина книжного блока – 7,5 см. На торцах видны следы красной краски(?), других декоративных элементов обреза не имеет. Накладные элементы на переплете отсутствуют, имеются остатки двух медных застежек. По своему внешнему виду переплет схож с переплетами второго и четвертого томов “Дневника”, что позволяет отнести их к работе московских мастеров конца XVII в.

* * *

Завершая долгие труды по переводу и подготовке к изданию пятого тома записок Патрика Гордона оф Охлухрис, я должен выразить искреннюю признательность за постоянную помощь в моей работе Полу Дюксу, Полу Бушковичу, И.О. Гаркуше, М.Р. Рыженкову, сотрудникам Российского Государственного Военно-Исторического Архива, Российского Государственного Архива Древних Актов и Государственной Публичной Исторической Библиотеки России, а также моим коллегам и друзьям по Институту Всеобщей Истории Российской Академии Наук и Московскому Каледонскому Клубу.

Эту книгу я посвящаю памяти моего отца, Геннадия Ивановича Федосова. Ему я обязан увлечением родной страной Патрика Гордона, без чего настоящее издание неопределимого памятника шотландской, русской и европейской истории не могло бы состояться.

Д.Г. Федосов

---

⁸⁵ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. № 4161, 4179; *Briquet Ch.M. Les filigranes. Vol. 1. Geneve, 1907. P. 115. № 1417.*